

ЕВРОПА ПРОТИВ РОССИИ

Александр
Широкорад

**ШВЕЦИЯ -
ОТ НЕЙТРАЛИТЕТА
ДО НАТО**

Европа против России

Александр Широкоград

**Швеция – от
нейтралитета до НАТО**

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94
ББК 63.3(0)-6+(4Шве)

Широкоград А. Б.

Швеция – от нейтралитета до НАТО / А. Б. Широкоград —
«ВЕЧЕ», 2022 — (Европа против России)

ISBN 978-5-4484-8887-0

Стремление России разрешить так называемые «балтийский» и «восточный» вопросы вылилось в бесконечные военные конфликты со своими северными и южными соседями. Однако самая долгая война России, длившаяся примерно 667 лет, была со Швецией. Она началась с 1142 года – первого летописного упоминания военного столкновения между шведами и русскими, и продолжалась до мира 1809 года. О том, как складывались непростые отношения двух соседних государств на протяжении тысячи лет. Что происходило в Швеции и России, как воевали тайно и явно русские и шведы, в какие военно-политические союзы вступали, как проходили мирные переговоры, как протекала эволюция военного искусства? Почему политические предрассудки и территориальные претензии шведов не позволили сблизиться двум государствам? Об этом и многом другом рассказывает очередная книга серии.

УДК 94

ББК 63.3(0)-6+(4Шве)

ISBN 978-5-4484-8887-0

© Широкоград А. Б., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Глава 1. Варяги – враги и союзники	6
Глава 2. Князь Александр Невский в «Житии» и в жизни	10
Глава 3. Крестовые походы маршала Кнутссона	16
Глава 4. Тайна короля Магнуса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Борисович Широкоград Швеция – от нейтралитета до НАТО

© Широкоград А.Б., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

М о с к в а

Глава 1. Варяги – враги и союзники

В лето 6370 (862 год от Рождества Христова) от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске».

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами. Ещё в XIX веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнём с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наёмников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно лёгкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединённое славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искажённое норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «#####», означающего «союзники», а точнее – наёмные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских

племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Возникает естественный вопрос: а какую это «русь» привёл Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»¹.

Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энн Миллард, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков². Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «goutsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем – с его владениями и его подданными.

Что же касается варягов, осевших на Руси, то они, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Есть народы, склонные к быстрой ассимиляции, и наоборот, известны случаи, когда отдельные племена столетиями упорно не желают ассимилироваться с подавляющим большинством местного населения. Обычно такие случаи кончаются серьёзными этническими конфликтами, ответственность за которые сейчас стало модно сваливать с больной головы на здоровую, то есть на коренное население, составляющее абсолютное большинство. Норманны же очень быстро ассимилировались, и не только в славянских землях, но и в Англии, Франции, Италии и др.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и Киеве – на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянётся не скандинавскими богами Одинем и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике, и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

В 60-х гг. IX века, пока Рюрик правил в Новгороде и Ладоге, в Киеве правили два варяжских конунга Аскольд и Дир. Согласно русским летописям, Аскольд и Дир вместе с Рюриком прибыли в 862 г. в Новгород, а затем отпросились с отрядом варягов на службу в Византию. Однако ряд учёных не без основания считают, что это выдумка летописца, пытавшегося оправдать действия князя Олега, а на самом деле оба конунга правили Киевом ещё до 862 г.

¹ Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

² Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века – это шведы».

Аскольд и Дир собрали довольно большое войско, состоявшее из славян. Согласно византийским источникам, в 860 г. 200 ладей русов подошли к Константинополю. В течение недели город находился в осаде, после чего император Михаил начал переговоры с русами и заключил с ними мирный договор. Походом на Царьград руководили Аскольд и Дир. Византийские источники говорят о том, что вождь русов принял христианство. Судя по всему, это был Аскольд, недаром впоследствии на могиле Аскольда построили церковь Святого Николая. Аскольд и Дир совершили несколько успешных походов на хазар, чем обеспечили безопасность своих владений от налётов степных кочевников.

После смерти Рюрика в 879 г. северными славянскими землями стал править князь Олег, родственник Рюрика, поскольку сын Рюрика Игорь был ещё ребенком. В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует, так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, откуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу. Так произошло объединение северных и южных восточнославянских земель и возникло государство, впоследствии названное Киевской Русью.

Я изложил версию «Повести временных лет» – единственного древнерусского источника, где упомянуты князь Аскольд и Дир. Замечу, что «Повесть временных лет» была написана в 1010-х гг., а самый ранний список с неё, дошедший до нас, датирован 1377 г. Зато два арабских историка IX века повествуют о набегах русов в 843–844 гг. на Севилью, которыми командовал Аскольд аль Дир – в переводе с готского Аскольд по прозвищу Дир (Зверь).

Так что киевский летописец, описывая дела 150-летней давности, просто ошибся. Так и появился первый в России «подпоручик Киж».

Земли Киевской Руси имели довольно слабые политические и экономические связи, как со столицей, так и между собой. Впрочем, это характерно и для других государств Европы конца IX века, таких как, например, Западно-Франкское и Восточно-Франкское королевства, Великоморавское государство, Болгарское царство и др. Но до 1991 г. ни у одного серьёзного историка не возникало сомнений, что у всех славянских племён, входивших в Древнерусское государство, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину.

В 907 г. киевский князь Олег с дружиной, состоявшей из славян и варягов, осадил Константинополь. После непродолжительной осады греки запросили мира. Олег получил большую контрибуцию и подписал выгодный для Киева договор о торговле и мореплавании. Согласно легенде, Олег прибил свой щит к вратам Царьграда. Византийцы целовали крест в соблюдение договора, а Олег и его мужи клялись оружием и славянскими богами Перуном и Велесом. Любопытно, что и в 907 г., и через четыре года, когда послы из Киева приезжали за подтверждением договора, из четырнадцати человек лишь двое имели славянские имена – Велемудр и Стемир, а остальные – скандинавские: Карл, Фарлаф, Рулав, Руальд, Труан и т. д. Но оба раза все послы клялись славянскими богами.

После смерти в июне 912 г. Олега на киевский престол вступил сын Рюрика Игорь. Летом 941 г. Игорь предпринял морской поход на Константинополь. 11 июля у входа в Босфорский

пролив русские ладьи были встречены византийским флотом. Противник применил «греческий огонь», и русская флотилия, потеряв несколько судов, отступила. Потерпев поражение у Константинополя, флотилия Игоря двинулась к берегам Винифии и начала опустошать побережье. Однако вскоре русские увидели византийскую эскадру Феофана и вынуждены были бежать. Феофан решил преградить русским путь назад и блокировал Днепро-Бугский лиман. Поэтому Игорю с дружиной пришлось возвращаться домой через Керченский пролив.

В 944 г. Игорь решил взять реванш. На сей раз он собрал большое войско и разделил его на две части: пешие славяне и варяги пошли морем, а конные славяне и нанятые печенеги двинулись сухим путем. Сам Игорь пошёл с конной ратью, но дойти им удалось лишь до Дуная, где они были встречены послами императора.

Греки предложили Игорю дань значительно ббльшую, чем взял Олег. Игорь взял деньги и ценные ткани и двинулся назад. В следующем 945 году был заключён договор с Византией. Любопытно, что в ходе принятия нового договора в Киеве часть славян и варягов присягали не Перуну, а целовали крест в церкви Святого Ильи.

В годы мира с Византией русские (то есть славяне и варяги) охотно шли на императорскую службу. Так, в 949 г. в ходе боевых действий византийского флота у острова Крит в составе флота было девять русских кораблей и более шестисот воинов-русов.

В 1015 г. в Киеве умирает князь Владимир Святославович. Его сыновья начинают усобицу. Новгородский князь Ярослав решает овладеть киевским столом с помощью варягов. Он просит руки Ингигерды – дочери первого христианского короля Швеции. В Новгород Ингигерда прибыла в 1019 г. Согласно брачному договору, принцесса получила во владение город Альдейгаборг (Ладогу).

Ещё раньше на службу к Ярославу прибыл большой отряд во главе с конунгом Эймундом. Варяги помогли Ярославу занять киевский стол. Согласно «Саге об Эймунде», именно он по указанию Ярослава убил сына Владимира Святославича Бориса (в «Саге» – Бурислейф). Ряд отечественных историков оспаривают этот факт, но довольно невнятно.

Почти сразу после убийства Бориса Ярослав перестал платить жалованье отряду Эймунда. То ли жадность обуяла князя, то ли он хотел, чтобы нежелательные свидетели отправились домой или куда-нибудь в Византию. Но варяги – не шахтёры и не учителя, они не выходили с транспарантами: «Требуем выдать в ноябре зарплату за январь». Эймунд пошёл к Ярославу и сказал: «Раз ты не хочешь нам платить, мы сделаем то, чего тебе менее всего хочется – уйдём к Вартилаву конунгу, брату твоему. А теперь будь здоров, господин». Варяги сели на ладьи и поплыли к Полоцку, где им щедро заплатил князь Брячислав (Вартилав).

Внук Владимира Святого Брячислав Изяславович держал нейтралитет в войне Ярослава с братьями. Его больше всего устраивало взаимное истощение сторон. Сам же Брячислав зарился на стратегические волоки на пути «из варяг в греки» в районе Усвята и Витебска, а в перспективе метил и на киевский престол.

Получив варяжскую дружину, Брячислав осмелел и в 1021 г. взял Новгород.

Овдовев в 1054 г., Ингигерда постриглась в монахини под именем Анна и скончалась в Новгороде 10 февраля 1059 г. В 1439 г. она была канонизирована новгородским архиепископом Евфимием II. Сейчас РПЦ почитает её как Анну Новгородскую.

Ну а в Ладоге с 1019 г. от её княгини Ингигерды правил её родич ярл Рёгнвальд. Де-факто и де-юре эта область отпала от Киевской Руси. Рёгнвальд вскоре не только вышел из подчинения Ингигерды, но и сделал свою власть наследственной. После смерти Рёгнвальда Ладогой правил его первый сын Ульв, а затем второй сын Эйлив. Третьего же сына Рёгнвальда Стейнкиля в 1056 г. вызвали из Ладоги в Швецию, где он был избран королём и стал основателем новой шведской династии. Лишь в конце XI века новгородцы сумели выгнать варягов из города Ладоги.

Лишь в 1114 г. новгородцы окончательно вернули себе Ладогу.

Глава 2. Князь Александр Невский в «Житии» и в жизни

Рассказ об Александре Невском следует начать с 1225 г. В тот год новгородцы призвали к себе на княжение Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Ярослав был хорошим политиком, его отличало властолюбие и неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей. В том же 1225 г. шведские и литовские феодалы напишут папе Гонорию III подобострастное письмо о том, что покоренные корела, ижора и воль страсно мечтают перейти в католичество.

Русские никогда не проводили принудительного обращения финских и карельских племен в христианство. Но тут крестоносцы «допекли» новгородцев, и зимой 1227 г. князь Ярослав Всеволодович идёт походом на емь (тавастов, как их называют шведы) и в течение года устраивает массовое крещение корелы в православную веру.

Однако вскоре Ярослав поругался с новгородцами, и в следующем 1228 г. ему был «показан путь». А взамен новгородцы призвали князя Михаила Черниговского.

Однако Михаил Всеволодович оказался честолюбивым проходимцем, его мало волновали интересы Новгорода, а больше занимали интриги на юге Руси. Новгородское вече «показало ему путь», и в 1230 г. новгородцы вновь позвали на княжение Ярослава Всеволодовича. Князь провел в Новгороде всего две недели и уехал в свой удел в Переяславль-Залесский, оставив вместо себя двух старших сыновей – одиннадцатилетнего Фёдора и десятилетнего Александра. За три года их пребывания в Новгороде шведы вели себя достаточно тихо. Однако в конце 1230 г. в городе начался голод. Как сказано в летописи: «Избил мороз... изобилие в волости нашей, и оттого установилось великое горе. Начали покупать хлеб по восьми кун, а кадушку ржи по двадцати гривен, а во дворах – по пятнадцати, пшеницу – по сорока гривен, а пшено – по пятидесяти, а овес – по восемнадцати гривен. И разбрелись [жители] города нашего и волостей, и полны были чужие грады и страны братьями нашими и сестрами, а оставшиеся начали умирать. И кто не прослезится об этом, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, поедаемых псами...»³

Голод продолжался до июля 1231 г., когда по Волхову прибыли первые ганзейские ладьи, и «отворил Господь милосердие свое на нас, грешных, сотворил вскоре милость: пришли Немцы из заморья с житом и мукою, и сотворили много добра, а город уже был при скончании дней своих»⁴.

Спору нет, ситуация здесь была форс-мажорная, тем не менее этот случай показывает зависимость Новгорода от внешней торговли.

В 1233 г. Ярослав Всеволодович решил женить старшего сына. Невестой четырнадцатилетнего Фёдора стала Феодулия, дочь князя Михаила Черниговского.

5 июня 1233 г. на свадебном пиру в Новгороде князь Фёдор внезапно умер. Его погребли в Юрьевском монастыре под Новгородом. Грустная, но ординарная история из тех, которые мало интересуют даже историков, занимающихся XIII веком. Однако смерть Фёдора была лишь началом таинственных, романтических и даже скандальных событий, и к ней мы вернемся, рассказывая о Смутном времени.

После смерти брата Александр стал единственным князем в городе. Вскоре над вольным Новгородом нависла страшная угроза и с запада, и с востока.

³ Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 79.

⁴ Там же.

9 декабря 1237 г. папа Григорий IX отправил главе шведской церкви архиепископу Упсалы буллу с призывом совершить крестовый поход на «язычников»-емь (тавасотов): «Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасаты, в свое время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников обращенный в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста, вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами [русскими? – А.Ш.] при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божьей в Тавастии... мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве [Швеция] и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста, против этих отступников и варваров мужественно и мощно выступили»⁵.

А через четыре месяца к Новгороду двинулись орды Батые. Татары осадили пограничный с новгородскими землями город Торжок (примерно в 270 км от Новгорода).

Как гласит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «также как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех – и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господя месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»⁶.

Забавно, что сейчас вновь объявились сторонники «небесной версии». Так, Ю.В. Кривошеев пишет: «... вмешательство божественных сил (самого Творца, святой Софии, Кирилла и других святых православной церкви) свидетельствует о каких-то неведомых и самим этим силам причинах божественного происхождения не появления монголов под стенами волховской столицы»⁷.

Сей пассаж я оставляю без комментариев, лишь замечу, что труд Кривошеева редактировал профессор и рецензировали ещё два профессора, да и вообще он напечатан по постановлению Редакционного совета Санкт-Петербургского университета.

А более прагматически настроенные историки вот уже 200 лет спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь»⁸. И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что ещё в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью великого хана с обеща-

⁵ Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 80.

⁶ Воинские повести древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко Л.: Лениздат, 1985. С. 91.

⁷ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. С. 162–163.

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. II. С. 142–143.

нием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Косвенно болгарская версия подтверждается тем, что все наши древние источники молчат о деятельности Александра Невского в Новгороде с января по май 1238 г. Так или иначе, но Ярослав Всеволодович вступил в сговор с татарами и получил от них ярлык на Великое княжество Владимирское⁹.

В 1239 г. в Новгороде Александр Ярославич женился на Александре (по другой версии – Параскеве) Брячиславне. Происхождение её неизвестно. Но по летописным данным, её отец – Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

В начале лета 1240 г. шведская эскадра с десантом вошла в Финский залив. Командовал ею ярл Биргер (об имени шведского воеводы мы ещё поговорим). Достоверные данные о численности шведского войска отсутствуют, хотя в трудах наших историков и всплывают неведомо откуда появившиеся числа. Так, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев¹⁰ пишут о пятитысячном войске и 100 кораблях ярла Биргера.

Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», Биргер, прибыв с войском в устье Невы, отправил в Новгород своих послов заявить князю: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою». Это, по-видимому, интерполяция составителя «Повести о житии...», поскольку внезапность нападения зачастую была решающим фактором в сражениях на севере.

На самом деле шведов заметила новгородская «морская охрана». Эту функцию выполняло ижорское племя во главе со своим старейшиной Пелугием. По версии «Повести о житии...» Пелугий-де, был уже православным и имел христианское имя Филипп, а всё остальное племя оставалось в язычестве. Морская стража ижорцев обнаружила шведов ещё в Финском заливе и быстро сообщила о них в Новгород. Наверняка существовала система оперативной связи: устье Невы – Новгород, иначе само существование морской стражи становится бессмысленным. Возможно, это была оптическая система связи – огни на курганах; возможно – конная эстафета; но, в любом случае, система оповещения срабатывала быстро.

В дальнейшем морская стража вела скрытое наблюдение за шведскими кораблями, вошедшими в Неву. В «Повести о житии...» это описано следующим образом: «Стоял он (Пелугий) на берегу моря, наблюдая за обоими путями¹¹, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его».

Князь Александр, которому было около 20 лет¹², быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина.

Ярл Биргер находился в полном неведении о движении новгородской рати и решил дать отдых войску на южном берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры.

⁹ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда» (М.: Вече, 2005).

¹⁰ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992. С. 128.

¹¹ Видимо, речь идёт о Большой и Малой Неве.

¹² Точная дата рождения Александра Невского является предметом спора между историками.

15 июля 1240 г. «в 6-м часу дня»¹³ русское войско внезапно напало на шведов. Согласно «Повести о житии...», Александр Ярославович лично ранил копьем в лицо ярла Биргера. Внезапность нападения и потеря командующего решили дело. Шведы стали отступать к кораблям. В «Повести о житии...» описаны подвиги шестерых русских воинов.

Первый, Гаврила Олексич, въехал на коне по сходням на шведское судно (шнеку) и стал рубить там врага. Шведы сбросили его с коня в воду, но он вышел из воды невредим и снова напал на врага. Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец, много раз нападавал на войско шведов и бился одним топором, не имея страха, и пали многие от его руки, и дивились силе и храбрости его. Третий, Яков, полочанин, был ловчим у князя. Он напал на полк с мечом, и похвалил его князь. Четвертый, Меша, новгородец, пеший со своей дружиной напал на корабли и утопил три корабля. Пятый, Сава, из младшей дружины, ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек шатерный столб. Шестой, Ратмир, из слуг Александра, бился пешим одновременно с несколькими шведами, пал от множественных ран и скончался.

Эти сведения можно считать достаточно достоверными, поскольку они были записаны автором со слов участников Невской битвы.

С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море, и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Потери русских оказались ничтожно малыми, всего 20 человек. Этот факт, а также отсутствие упоминаний о Невской битве в шведских хрониках, дали повод ряду русофобствующих историков свести битву до уровня малой стычки. По моему мнению, гибель 20 отборных ратников при внезапном нападении – не такая уж и малая потеря. Кроме того, в сражении на стороне русских должна была участвовать и ижора. После битвы православных русских и язычников ижоры хоронили в разных местах и по разным обрядам. (Ижорцы кремировали тела своих соплеменников.) Поэтому русские участники битвы вряд ли знали, сколько было убитых среди ижоры.

Другой вопрос, что число шведов, пришедших с Биргером, могло быть меньше, чем предполагали наши патриоты-историки. Их вполне могло быть около тысячи человек. Но в любом случае Невская битва стала шведам хорошим уроком.

В XX веке ряд историков высказали сомнение в том, что предводителем шведов был именно ярл Биргер. Ни русские летописи, ни «Житие Александра Невского» не называют имени шведского предводителя. Полтора года назад один из основателей финской исторической науки Габриэль Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются находившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас. С тех пор и до первых десятилетий XX века это мнение прочно вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса»¹⁴.

Это, кстати, косвенно подтверждается и русской летописью: «И был убит воевода их именем Спиридон»¹⁵, а другие говорят, что и епископ был убит тут же».

Откуда же взялся на Неве ярл Биргер? Его ввел в начале XIX века первый мэтр отечественной истории Н.М. Карамзин. Как писал И.П. Шаскольский: «Карамзин обнаружил это имя в тексте нелетописного источника начала XV в. – «Рукописания Магнуша, короля Свейского». Это апокрифическое завещание шведского короля Магнуса, будто бы написанное им

¹³ Через 6 часов после восхода солнца (по древнерусскому времени), то есть в 11 часов утра.

¹⁴ *Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1839.*

¹⁵ Кто таковой «воевода Спиридон – установить не удалось. Во всяком случае, воеводы с таким именем у шведов быть не могло.

перед смертью в 70-е годы XIV в. В нем Магнус перечисляет завершившиеся поражениями шведские походы на Русь XIII–XIV вв. (походы на Неву 1240, 1300 гг. и его собственный поход 1348 г.), считает попытки нападения на русские земли обреченными на неудачу и завещает «своим детям и своей братье и все земле Свейской» никогда больше не нападать на Русь. «Рукописание Магнуша» – не историческое сочинение, а созданный анонимным новгородским книжником начала XV в. [плохо разбиравшиеся в событиях середины XIII века. – А.Ш.] памятник литературы»¹⁶.

На самом деле в 1240 г. Биргер был ещё простым рыцарем, а титул ярла он получил лишь в 1248 г. Ярлом же в 1240 г. был его родственник Ульф Фаси. По мнению Шаскольского, весьма вероятно, что именно Ульф Фаси и возглавлял шведов в Невской битве.

Возможно, что Биргер и принимал участие в Невской битве 1240 г, но только в качестве простого рыцаря. А вот в качестве ярла он отправится в крестовый поход на Новгородскую землю в 1249 г.

Ну а дабы немного потешить читателя, приведу и взгляд на Невскую битву современного либерала, уже знакомого нам Александра Нестеренко. По его мнению, Александр Ярославич поступил очень нехорошо. «Шведы ни на кого не напали, не грабили. Просто стояли лагерем. Может быть, на берегу Невы и Ижоры расположился обыкновенный купеческий караван поторговать с туземцами (особенно, если предположить, что в этом месте действительно было ижорское поселение)?...

...разбив лагерь и установив шатры, шведы демонстрировали всем, что они пришли с миром. Торговать, а не воевать. Почему же тогда Александр напал на шведов? Летопись не дает ответа на этот принципиальный вопрос. Она только бездоказательно обвиняет шведов во враждебных намерениях. Подозревать можно кого угодно и в чем угодно. Но это вовсе не повод для внезапного нападения.

Если оставить без ответа вопрос о причинах нападения на шведский лагерь, то придётся признать, что мирные шведы стали жертвой разбойного нападения со стороны русских»¹⁷.

Какие аргументы приводит в пользу своей версии господин Нестеренко?

«В пользу этой версии говорит то, что шведы установили в своем лагере шатры. Если бы им угрожала опасность или они куда-нибудь торопились, то они не высаживались бы на берег и не обустроивали лагерь, а оставались на своих ладьях»¹⁸. И... всё! Больше никаких аргументов! В общем, русские такие бяки. Приходили к ним Карл XII и Наполеон тоже торговать и тоже шатры ставили. А русские опять совершили «разбойничьи нападения» и зверски побили оных купцов.

Думаю, если бы существовала машина времени, то предводитель шведского войска на Неве, что Биргер, что Спиридон, узнав, что его рыцаря некий писака определил в купцы, велел бы вздернуть этого господина на ближайшем дереве, и хорошо ещё, если за шею.

Отдохнули? Ну ладно, а теперь вновь перейдем к делу. В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»¹⁹ (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов (емь). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников,

¹⁶ Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова, СПб: Дмитрий Буланин, 1995. С. 18.

¹⁷ *Нестеренко А.Н.* Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: Олма-пресс, 2006. С. 34–35.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Хроника Эрика.

которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам! ... Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»²⁰.

Где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна²¹. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе²², в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстенлинна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее, новгородскими подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцами.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/1257 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов и К° из Копорья, но далее двинулся не на чужь, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись: «...и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

²⁰ Там же.

²¹ Drake K. «Die Burg Hämeenlinna im Mittelalter», 1968. S. 11; «Mikä oli Vanain linna?» – In: *Arx Tavastica. Hämeenlinna, 1967. S. 24–38; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. Helsingissä, 1964. S. 151.*

²² Новгородская летопись говорит о «детинце»: «...баше бо место велми силно, твердо, на камени висоце, не имея при-ступу ниоткуда же».

Глава 3. Крестовые походы маршала Кнутссона

В трудах царских и советских ученых с 1277 г. начинается новый период развития отечественной истории. Что же произошло в 1277 г.? Да обычное ординарное событие – младший сын Александра Невского шестнадцатилетний Даниил получил в удел небольшой городок Москву. С этого момента в виртуальной истории отечества, созданной царскими и советскими сказочниками, этот город становится пупом земли Русской, а деятельность потомков Даниила становится магистральным направлением нашей истории. С этого момента и Господин Великий Новгород, и Смоленское, и Рязанское княжества, и вся Юго-Западная Русь становятся периферией, а события в этих регионах занимают наших историков постольку, поскольку это касается истории Москвы.

Я же попытаюсь рассказать о событиях «на обочине» официальной истории, которые, тем не менее, в значительной степени определяли судьбу нашего отечества.

Начну с отражения вольным Новгородом крестовых походов шведов. Нравится нам или нет, но в подлинной истории Новгорода битва на Неве в 1240 г. была лишь эпизодом. Как мы уже видели, свеи унялись лишь на несколько лет. Другой вопрос, что отражение агрессии с севера после Александра Невского мало интересовало наших историков²³.

Во второй половине XIII века шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойников из Ладоги вышли русские суда и побили их.

В следующем 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках²⁴ под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семёна Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семёна Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы – 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы...

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавасттисидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здравы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая – северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижора и корела сами расправились с грабителями.

В следующем 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)²⁵ Торгильс Кнутссон. Время рождения и происхождения его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскалком. В декабре

²³ Разумеется, речь не идёт ряде узкоспециальных работ, как, например, работы И.П. Шаскольского и др.

²⁴ Лойва – лёгкое речное гребное судно; шнек – морское судно, обычно использовалось как грузовое.

²⁵ Marscalcus regni – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

1290 г. умер шведский король Магнус Ладулос²⁶, оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном²⁷ отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее по «вуокскому пути» купцы ходили ещё в VIII–IX веках, что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX веков в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавшие коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Корела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуокса и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом. В рифмованной «Хронике Эрика», написанной спустя 30 лет после основания Выборга, говорилось:

Пошли они в языческий предел,
тем положив конец большой беде
(ведь слишком близко подходили к ним
язычники с намерением злым).
И крепость возвели они свою
владений христианских на краю,
на краешке языческой земли —
и добрый мир в ту местность принесли:
пришли туда покой и тишина,
и Богу нынче молится страна,
и много пленных вызволили тут.
Теперь ту крепость Выборгом зовут,
к востоку обращенную, как щит.
Беда у стен языческих стоит —
и меньше нынче русские смогли
там сохранить подвластной им земли.
Из камня крепость выведя тогда,
в обратный путь пустились господа,
оставив фогта, коему страшны
не стали злые люди той страны:
он, не боясь, на ярость их смотрел —
и покори́л язычников-корел,
и в скорый срок к ногам его легли

²⁶ Ладулос – амбарный замок (*швед.*).

²⁷ Некоторые историки, в т. ч. И.П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

четырнадцать погостов той земли²⁸.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда корел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению корел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство корел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных корел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывались монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь²⁹.

Был ли Торгильс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV веков нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее в конце XIX века финские националисты начали прославлять Кнутссона. Естественно, все знали, сколько им было убито предков современных финнов, но чего не сделаешь в пику «этим проклятым русским». Поэтому не случайно в 1862 г. одна из новых улиц города, вскоре ставшая главной, получила название Торкельской (затем переименованная в проспект им. Ленина), а в 1887 г. известный финский скульптор Вилле Вальгрен изваял скульптуру Торгильса Кнутссона. Инициатором создания памятника был выборгский архитектор Я. Аренберг. Под его руководством в городе проводился сбор денег, устраивались спектакли и лотереи.

Однако когда памятник был готов, русские власти запретили его установку. Лишь после первой русской революции Николай II разрешил городскому совету Выборга установить памятник. 4 октября 1908 г. при многолюдном скоплении горожан на площади Старой ратуши торжественно открыли памятник шведскому маршалку. Там он и простоял 40 лет.

В 1948 г. по указанию советских городских властей Торгильс Кнутссон был свергнут с пьедестала и отправлен на склад комбината благоустройства города. Там его и обнаружили сотрудники Выборгского краеведческого музея, и с 1975 г. он уже хранился в одном из подвалов замка. В 1991 г. памятник был извлечен оттуда и 2 июля 1993 г. во время торжеств в честь 700-летия основания Выборгской крепости вновь установлен на пьедестале.

Возникает естественный вопрос: почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Фёдором Чермным в очередной раз навели татар³⁰ на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Фёдора Чермного к лику святых³¹. Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу князя Романа Глебовича³², боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий

²⁸ Цит. по: *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 89.

²⁹ Время его основания неизвестно, по разным источникам датируют его от XI до начала XIV в.

³⁰ На Руси этот поход называли Дюденовой ратью по имени предводителя татар Дюдены. Ущерб от Дюденовой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

³¹ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда».

³² Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга, и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевлённые успехом, в конце 1293 г. – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Корелу, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что ещё около 830 г. на месте Корелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость.

Рифмованная «Хроника Эрика» так описывает захват и потерю шведами Корелы:

Дома Кексхольма к их ногам легли,
но город христиане не сожгли.
В тот день войска язычников разбив
и стрелами немало поразив,
оставшихся в живых угнали в плен —
внутри выборгских надежных, крепких стен.
Часть христиан отправилась домой,
везя добычу славную с собой.
Их вождь уйти со всеми не успел,
не завершив в Кексхольме важных дел.
А тут внезапно русские пришли,
чтоб отомстить за стыд своей земли,
шесть дней и шесть ночей штурмуя тех,
что в крепости сражались, как на грех,
оставшись без снабженья, – и слегло
их с голоду немало. И могло,
пожалуй, только чудо их спасти
и из осады к дому отвезти.
Тогда наружу вышла шведов рать,
чтоб попытаться строй врага прорвать.
И много русских пало в том бою,
с истошным криком жизнь отдав свою.
И если шведы бой в строю вели,
враги от них бежали, как могли.
Но пали христиане в том бою —
напрасно ждут их в Упландском краю —
и Сигурд Локе тоже был убит.
Пускай Господь все души приютит
бойцов, что пали за родимый край,

и предоставит в их владенье рай,
а русские за их кровавый труд
пусть в ад кромешный сразу попадут!³³

В нашей летописи сказано более лаконично: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»³⁴.

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

Параллельно с агрессией в Карелии шведы занялись пиратством на Балтике. При этом они грабили не только русские суда, но и все суда, торгующие с Новгородом и Псковом. Больше всего от этого пострадали ганзейские купцы. Они пожаловались на шведов германскому императору, да и сами немцы располагали большим флотом. Поэтому в 1295 г. король Биргер прислал грамоту в город Любек, где говорилось, что шведы не будут тревожить немецких купцов, идущих в Новгород с товарами, только в угождение императору, так как для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливает его врагов (новгородцев). Он дает купцам свободу отправляться в Новгород, но под условием, чтоб они не возили туда оружие, железо, сталь и т. д. Кстати, во второй половине XIII века Любек и другие северогерманские города имели для купцов гарантии неприкосновенности от шведских, датских и других правителей, действовавшие как в мирное, так и в военное время.

В январе 1300 г. германский император Альбрехт обратился к королю Биргеру с требованием обеспечения свободного плавания в Финском заливе и Неве.

Забегая вперед, скажу, что в 1312 г. воевавшие с королем Биргером его братья герцоги Эрик и Вальдемар дали Ганзе гарантии беспрепятственной торговли с Новгородом. В целом же, несмотря на урон, нанесенный шведскими пиратами торговле Ганзы с Новгородом и Псковом, её объем в 1293–1312 гг. заметно не падал.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально, по традиции римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. («в Троицын день») около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей³⁵, командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина её в устье составляла не менее 80 метров, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, её требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а надо рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек были возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен, были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

³³ Цит. по Шарьмов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 90, 92.

³⁴ Там же. С. 90.

³⁵ В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскоры находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер, и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега – Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей – карел.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо, ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне были заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей шведы увидели плывущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись – корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной – шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX–XX веков, а профессионалы – «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых броней; их шлемы и мечи блистали».

Если шведы на Ореховом острове более-менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван, и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем ещё юный рыцарь Матиус Дротс, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет, и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и войдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не

беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Тут автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дротс через много лет стал шведским канцлером, а от себя добавим – фактическим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эрикссоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов – это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон – 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря время не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И.П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, – золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать.

Насладившись убийствами и разорением беззащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»³⁶.

После неудачи под Ландскроной новгородские власти, наконец, осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/1301 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

Весной 1301 г. в Новгород приехал посол из Любека с предложением подтвердить «старый мир и старую правду». Судя по всему, в навигацию 1300 г. шведы маленько пограбили ганзейских купцов, торговавших с Новгородом, и теперь Ганза хотела знать, нужно ли готовить караваны купеческих судов к навигации 1301 г. Заметим, что посол из Любека прибыл в Новгород сухим путем через Ливонию.

В соответствии с прежними новгородско-ганзейскими договорами ответственность за безопасность купцов на новгородской территории целиком лежала на новгородских властях. Понятно, что шведов нужно было гнать с Невы сразу после схода льда с Волхова и Невы.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославовича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку

³⁶ Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. С. 53.

надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодились – шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, с ходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос: что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сроднили с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

Взаимоотношения новгородцев с Андреем Городецким, который больше был озабочен сварами с братьями, а не безопасностью Руси на северо-востоке, не позволили русским пожать плоды победы в Ландскроне в полном объеме. Так, шведский историк Гиппинг писал: «Если бы русские, пользуясь одержанной победой и страхом, наведенным ею на противников, тотчас ударили на Финляндию, то быть может, им удалось бы уничтожить не вполне ещё утвердившееся там шведское господство и возратить свои прежние владения, – и это тем вероятнее, что шведские поселенцы и гарнизоны, рассеянные в Финляндии, едва ли могли бы в то время получить деятельную помощь из Швеции, и ибо там с 1304 года возгорелась между королем и его младшими братьями кровавая борьба, среди которой и знаменитый Торкель Кнутсон пал под секирою палача, после тринадцатилетнего мудрого правления»³⁷.

³⁷ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 89.

Глава 4. Тайна короля Магнуса

В первые два десятилетия XIV века в Швеции обострилась политическая борьба, перешедшая в гражданскую войну. Король Биргер конфликтовал со своими братьями герцогами Эриком и Вольдемаром. Эрик погиб в этой войне, но его девятнадцатилетний сын Магнус в 1319 г. был избран шведским королем. Таким образом, разрушение Ландскроны и внутренние свары на время остановили агрессию шведов. Хотя нападения небольших отрядов на русские земли продолжались, но творили это шведские феодалы, осевшие в Финляндии, так сказать, в инициативном порядке, без санкции короля.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиса город на пороже нов, ветхый сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кореле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А.Н. Кирпичникова³⁸, кексгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Корельский городок».

Новгородские власти, обеспокоенные шведской экспансией, пошли на нарушение традиций Новгородской республики – назначили главой администрации Карельской земли какого-то служилого князя³⁹ Бориса Константиновича. «Какого-то» сказано потому, что он ни в одном летописном или ином источнике не упомянут. По-видимому, он был младшим отпрыском тверской княжеской семьи, поскольку новгородцы жаловались на него великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому. В этой грамоте сказано, что «Бориса Константиновича кърмил Новгород Корелюю...» Присутствие в Кореле русского служилого князя с дружиной должно было обеспечить оборону города на случай нападения из лежавших рядом, захваченных шведами западных карельских погостов.

В 1311 г. новгородцы совершили большой поход в захваченную шведами часть Финляндии. «В лето 6819 ходиша Новгородци воиною на немецкую землю, за море, на Емь, с князем Дмитрием Романовичем. и переехавше море взяша первое Купецкую реку, села пожгоша и головы поимаша, а скот изсекоша; и ту убиен бысть Костянтин Ильин сын Станимировича в загоне. Потом взяша Черную реку всю, и тако по Черной придоша к городу Ванаяу [близ Тавастгуса] и взяша город и пожгоша, а Немци взбегоша на детинец – бяше бо место вельми сильно твердо, на камени висоце, не имея приступа ни откуда же, – и сослаша с поклоном прояще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потом идуче взяша Кавгалу реку и Пену реку, и выидоша на море и придоша здорови вси в Новьгород».

Шведы продолжали нападать на торговые караваны в Финском заливе, на Неве и Ладожском озере. Так, в хронике города Любека сказано, что в 1311 г. любекский купец Эгбертус Кемпе был ограблен шведами на Ладожском озере, и у него изъяли 23 предмета «прекрасной работы». В том же году шведы на Неве ограбили ещё одно любекское судно и нанесли ущерб владельцу в 5 тысяч марок. Эх, молодцы немцы – что за пунктуальность! Разумеется, эти акции не были ответом шведов на поход новгородцев в Корелу в 1310 г., как предполагают наши глу-

³⁸ Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Корелы: «Корельский город» XIV в. Л., 1979. С. 55–60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 123–126.

³⁹ Служилый князь – князь, нанятый городом для его защиты, к управлению Новгородом служилые князья не допускались.

бокомысленные историки. Это был обычный грабёж, свойственный не только шведским рыцарям, но и всем их коллегам в Западной Европе. Лишь «совковые» дамочки возмущаются в метро, когда им не уступают место: мол, перевелись сейчас рыцари. Но не дай бог им оказаться в XIV веке в окрестностях замка какого-нибудь благородного маркиза или графа.

Городские власти Любека обратились с жалобой к герцогу Эрику, который в это время контролировал Финляндию, и пригрозили экономическими и силовыми санкциями. Эрик и его братец Вольдемар оказались в весьма неудобном положении. Они только что, 15 августа 1312 г., отправили в город Любек грамоту с гарантией свободного проезда купцам из Новгорода и обратно, причем без всяких ограничений, которые шведы ранее пытались высказывать, как, например, на провоз оружия и т. д. А тут вот два судна ограбили. Благородный и справедливый герцог 3 ноября 1312 г. послал в Любек покаянную грамоту, где клятвенно обещал вернуть все награбленное владельцам и больше не проказничать. Грамота сия сохранилась в немецких архивах. Вернули ли награбленное любекским купцам, установить не удалось, но разбой шведских феодалов не прекратились.

В 1313 г. шведская флотилия прошла через Неву, Ладожское озеро и по Волхову добралась до города Ладоги. В это время ладожский посадник с городской дружиной был в каком-то походе, и шведам удалось «пожгеша Ладогу». Но из новгородской летописи не ясно, были ли сожжены только неукрепленный посад, раскинувшийся на левом берегу Волхова, или шведы захватили и сожгли обе ладожские крепости, земляную и каменную.

Между тем опыт использования служилых князей для защиты северных рубежей Новгородской земли оказался неудачным. Случилось то, чего боялись ранее новгородцы. За время пребывания в Кореле князь Борис Константинович купил себе какие-то карельские села, а другие попросту захватывал силой, то есть попытался стать в Кореле удельным князем. Мало того, он, видимо, здорово пограбил карел. Результатом его деятельности стало первое в истории восстание населения карельского Приладожья против власти Великого Новгорода в 1314 г.

Пограничные шведские феодалы не замедлили воспользоваться ситуацией и вторглись в русские земли. Шведский отряд с боем захватил город Корелу, а может быть, был впущен туда карелами.

Новгородцы ещё до восстания карел выгнали с позором князя Бориса Константиновича в Тверь и даже предложили тверскому князю его судить. Новым наместником был назначен новгородец Фёдор. Этот Фёдор оперативно собрал в Новгороде сильный отряд и двинулся к Кореле. Город Корела был взят, все шведы и изменники-карелы перебиты новгородцами.

В 1317 г. шведские корабли вошли в Ладожское озеро, где у Обонежья ограбили и убили нескольких русских купцов, направлявшихся на своих судах из устья Свири через озеро к устью Волхова для проезда в Новгород.

Новгородцы активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311 г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Ими предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки⁴⁰. Ушкуи прошли по реке и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастаборга. Русские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско разорило районы, населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец «Константин Ильин сын Станимировича». Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

⁴⁰ Точно ее идентифицировать историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие – Купитаниоки (Kuppittaanjoki), называют и другие реки.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Аландские шхеры и по «Полной реке» (Аурайоки) поднялись до города Або (ныне город Турку) – тогдашней столице Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности, был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы, и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Корела, однако взять её не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Корелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом – Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула великого князя владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг с великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страху шведам бездомный князь показался «великим королем», а каждый русский воин троллся, а то и пятерился в их глазах.

Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полоном вернулось в Новгород.

В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего, посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Согласно условиям договора, новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры (Систербека), вплоть до её истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюэзайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приболотнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pöhejöki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м годам, Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обоими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тязвинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

В договоре было подтверждено право свободного проезда из Новгорода по Неве в Финский залив.

После Ореховецкого мира на границе между Швецией и Новгородом четверть века было относительно спокойно. Единственный достойный упоминания инцидент произошел в 1337 г., когда управлявший городом Корела местный феодал Валит вступил в тайные сношения со шведами, и шведский отряд из Выборга захватил Корелу. Однако новгородцы сразу выслали сильное войско, и Корела была возвращена в состав новгородских владений. После этого, на всякий случай, шведские и новгородские послы 8 сентября 1340 г. в городе Дерпте в Ливонии подтвердили все статьи Ореховецкого мирного договора.

Укрепив свою власть на шведском и норвежском престолах, король Магнус II⁴¹ решил завладеть новгородскими землями. Поскольку поводов для войны новгородцы не давали, король решил обратиться «язычников» (русских и православных карел) в христианскую веру.

Идеологом крестового похода в Швеции стала религиозная психопатка Биргитта, настоятельница Вадстенского монастыря. Биргитта давала наставления Магнусу, призывала его к ведению «справедливой» войны для распространения христианской веры среди язычников, прямо настаивала на организации похода.

Как писала Е.А. Рыдзевская, Биргитта «происходила из знатного упландского рода; её отец, Биргер Персон, видный государственный деятель и член совета опекунов, правивших в Швеции до совершеннолетия короля Магнуса, был одним из крупнейших шведских землевладельцев того времени. Деятельность этой честолюбивой и фанатически религиозной женщины, обладавшей литературным талантом и резко выраженной склонностью к мистике и экстазу, имела большое значение для шведской церкви XIV в. Биргитта основала Вадстенский монастырь и сочинила для него устав; ей же принадлежит инициатива перевода Библии на шведский язык»⁴².

Любопытно, что Биргитта основывала смешанные монастыри, где жили монахи и монахини (примерно поровну). Согласно её учению, вера помогала человеку «победить свою природу». Увы, мы никогда не узнаем, что творилось в этих совместных монастырях. Во всяком случае, после смерти Биргитты все смешанные монастыри были закрыты.

⁴¹ Магнус – король Швеции под именем Магнус II, король Норвегии под именем Магнус VII.

⁴² Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. С. 124–125.

В 1391 г. папа римский причислил Биргитту к лику святых. Похоронена Биргитта была в созданном ею монастыре и Пирите, в нескольких километрах от Ревеля⁴³. Храм, где она была захоронена, разрушен в 1577 г. войсками Ивана Грозного в ходе Ливонской войны. Но это уже мало интересовало шведов, немцев и чухонцев, поскольку они к тому времени стали протестантами.

В 1718 г. в Риме откопали великолепную статую Венеры (Афродиты) – римскую копию греческой статуи III века до н. э. находка поступила в собственность папы римского Климента XI. Слух о Венере дошел до Санкт-Петербурга. Царь Пётр предложил папе за нее большую сумму. Но Климент был большой любитель древностей и женских прелестей, и категорически отказался продавать статую. Тогда Пётр предложил папе обменять статую языческой богини на мощи святой Биргитты. Представляете, какое выражение лица было у Климента?! Пришлось отдать. Одно время статуя Венеры стояла в Таврическом дворце у князя Потемкина-Таврического, за что и получила название Венера Таврическая. Ныне же она находится в Эрмитаже.

Что же касается святой Биргитты, то после конфузии с Венерой римские власти о ней надолго забыли. Вспомнили о Биргитте лишь после распада СССР. (И с чего бы?) В ноябре 1999 г. Иоанн Павел II освятил в Ватикане скульптуру святой Биргитты, которую называют ангелом-хранителем Европы. В Ватикан для участия в оной церемонии прибыли 23 человека из Эстонии во главе с вице-спикером эстонского парламента Тунне Келамом. Пятиметровая статуя святой Биргитты была установлена в одной из внешних ниш.

В 2003 г. в Швеции прошли торжества, посвященные 700-летию со дня рождения небесной покровительницы Швеции святой Биргитты (Бригитты). В торжественной службе, которая была совершена в монастыре Вадстена, основанном святой Биргиттой, приняли участие король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия, а также президенты Финляндии, Латвии, Эстонии и 1400 гостей из разных стран мира. На торжественное мероприятие собралось всего около пяти тысяч человек. Значительную часть приехавших составляли монахини-бригиттинки со всего мира. Проповедь о жизни святой Биргитты произнес лютеранский епископ Мартин Линд. Католический епископ Андерс Арболериус вознес святой молитвы о христианском единстве.

Итак, все возвращено на круги своя. Святая Биргитта в своем «Откровении» точно указала пути к «христианскому единству»: «начинать с увещаний, а в случае неуспеха действовать силой»⁴⁴.

Но вернёмся в XIV век. Король Магнус, подстрекаемый Римом и «местной святой», собрал большое наемное войско, в значительной степени состоявшее из датских и немецких рыцарей. Войско было посажено на корабли. В 1348 г. шведская флотилия пересекла Балтийское море, вошла в Финский залив и остановилась у Березовых островов (вблизи русской границы). Обычно шведские войска при нападениях на русских использовали фактор внезапности, но на этот раз Магнус остановился на границе и отправил послов в Новгород. Послы объявили вече от имени короля: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере. Хочу я узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то вы ступайте в нашу веру и будем все как один человек. Если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всею моею силою». Владыка Василий, посадник Фёдор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы, подумав, велели отвечать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, наша или ваша, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли от греков православную веру, а с тобою нам нечего спорить о вере. Если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд», – и послали к нему тысяцкого Авраама с боярами.

⁴³ Имеют хождение и иные версии о месте захоронения Биргитты.

⁴⁴ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. С. 125.

Русские послы прибыли к Магнусу, и тут король сменил тон и предъявил ультиматум: «Обиды мне от вас нет никакой. Ступайте в мою веру, а не пойдете, так иду на вас со всею моею силою». Русские послы отвергли ультиматум.

Флотилия Магнуса прошла Неву и высадила десант на Ореховом острове. Строители крепости в 1323 г. допустили серьезный просчет – крепость занимала лишь часть острова, и шведам удалось расположить осадные силы на самом острове у стен крепости. Часть войска Магнус приказал разделить на небольшие отряды, которым приказал грабить земли по обоим берегам Невы. Магнус приказал всех русских пленных крестить в католическую веру и брить им бороды, а отказывавшихся – казнить.

Новгородцы послали гонцов в Москву за помощью. Великий князь владимирский и по совместительству московский Симеон Гордый на словах пообещал помочь новгородцам, но сам решил не вступать в конфликт со шведами. Симеон долго собирал войско, затем медленно шел с войском. Симеон доехал лишь до села Ситно близ Торжка, а затем повернул обратно. Московские летописцы объясняли возвращение князя тем, что ему нужно было встречать послов из Орды. Вместо себя Симеон послал в Новгород своего младшего брата князя Ивана Ивановича. Дойдя до Новгорода, князь Иван остановился там и не пошел на соединение с новгородским войском, к тому времени собравшимся в Ладоге. Более того, когда в Новгороде стало известно о новом ухудшении военной ситуации и взятии шведами Орешка, князь Иван со своей ратью вместо оказания помощи новгородцам малодушно покинул Новгород, «не приняв владычня благословения и новгородчкого челобитья», и вернулся в Москву.

6 августа 1348 г. после шестинедельной осады шведы захватили Орешек. Крепость сдавалась с условием свободного выхода гарнизона. Пятистам рядовым воинам шведы дали уйти, а Кузьма Твердиславович, Авраам и восемь новгородских бояр были взяты в плен и увезены в Швецию.

Тем временем 400 новгородцев под началом новгородского боярина Онцифора Лукича напали на крупный шведский отряд, разбойничавший в Ижорской земле. На Жабче поле, согласно новгородской летописи, было убито 500 «немцев», а новгородцы потеряли убитыми только трех человек. Лукич приказал казнить взятых в плен ижорцев, принявших католичество и пошедших на службу к шведам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.